

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.24>

Гаврильев Семен Леонидович, Прокопьева Алена Кирилловна

СИНОНИМИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА "ЗАКОН" В ЯКУТСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается история формирования юридического термина "закон" в якутском и кыргызском языках. Проводится дефиниционный, семасиологический и сравнительный анализ синонимов термина "закон". В работе предпринята попытка раскрыть основные причины вытеснения юридических терминов "куолу", "ту?аан", "ыйаах" в якутском языке и "мыйзам" в кыргызском языке заимствованным из русского языка термином "закон". В заключение на основании полученных выводов авторами излагаются взгляды на возможные пути развития якутской юридической терминологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 113-118. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. <http://www.yifysubtitles.com/subtitles/easy-a-2010-1080p-english-yify-1427> (дата обращения: 12.12.2018).
13. <http://www.yifysubtitles.com/subtitles/easy-a-2010-1080p-french-yify-30975> (дата обращения: 12.12.2018).
14. <https://subtitry.ru/subtitles/754807652/?easy-a> (дата обращения: 12.12.2018).
15. <https://www.opensubtitles.org/en/subtitles/6847730/sherlock-the-lying-detective-en> (дата обращения: 02.02.2018).
16. <https://www.opensubtitles.org/fr/subtitles/6847730/sherlock-the-lying-detective-en> (дата обращения: 02.02.2018).
17. Newmark P. A. Textbook of Translation. Prentice Hall, 1988. 311 p.
18. Thanh C. Le, Hoa Trong Vu, Oberländer J., Bojar O. Using Term Position Similarity and Language Modeling for Bilingual Document Alignment // Proceedings of the First Conference on Machine Translation: in 2 vols. Berlin, 2016. Vol. 2. P. 710-716.

INFLUENCE OF LEXICAL SIMILARITY OF LANGUAGES ON A PUN TRANSLATABILITY

Aleksandrova Elena Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow
elena_751@mail.ru

The purpose of the article is to study the problem of a pun translatability in the Russian, English and French languages. As a result of the study, the interlanguage correspondences of homonyms and paronyms used to create puns in the source languages are identified. Their linguistic wordplay potential for creating puns in the target languages is considered. The author reveals a language pair with the highest degree of translatability. A comparative study of the specifics of puns translatability basing on homonymy and paronymy in the English – French, English – Russian and French – Russian language pairs has not been conducted before.

Key words and phrases: pun; translatability; homonyms; paronyms; historical affinity.

УДК 811.512.157'373.421=512/154

Дата поступления рукописи: 08.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.24>

В статье рассматривается история формирования юридического термина «закон» в якутском и кыргызском языках. Проводится дефиниционный, семасиологический и сравнительный анализ синонимов термина «закон». В работе предпринята попытка раскрыть основные причины вытеснения юридических терминов «куолу», «туһаан», «ыйаах» в якутском языке и «мыйзам» в кыргызском языке заимствованным из русского языка термином «закон». В заключение на основании полученных выводов авторами излагаются взгляды на возможные пути развития якутской юридической терминологии.

Ключевые слова и фразы: юридические термины; якутский язык; кыргызский язык; синонимия; терминовтөрчөсүт.

Гаврильев Семен Леонидович

Прокопьева Алена Кирилловна, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
gavrilyev_s@mail.ru; alonachoo@mail.ru

СИНОНИМИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА «ЗАКОН» В ЯКУТСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Юридическая терминология в настоящее время является одним из наиболее востребованных пластов якутской лексики. Этому способствует ее активное применение в деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и в судопроизводстве. Такая ситуация сложилась благодаря законодательным нормам, закрепившим особый статус государственных языков республик в составе Российской Федерации.

Вместе с тем исследователи отмечают, что в сфере делопроизводства якутский язык исполняет лишь вспомогательную роль. Любой документ, носящий как нормативный, так и ненормативный характер, изначально разрабатывается на русском языке, а уже в последующем осуществляется его перевод на якутский язык. Такое распределение функций, как считают некоторые исследователи, привело к «снижению роли якутского языка в сфере делопроизводства и ухудшению его качества» [3, с. 37]. При этом процесс упорядочивания якутской юридической терминологии требует адаптации к постоянно меняющейся действительности. В этой связи ряд авторов предлагают создание «запасника терминов», одним из источников пополнения которого могут быть ранее использовавшиеся термины [9, с. 103].

Необходимостью выявления подобных ранее использовавшихся терминов и определяется **актуальность** нашего исследования. **Целью** работы является комплексный анализ применявшихся синонимов юридического термина «закон» в якутском и кыргызском языках, в ходе которого решаются следующие **задачи**: 1) установление причин вытеснения юридических терминов в якутском и кыргызском языках заимствованным из русского языка термином; 2) характеристика исторических и общественно-политических процессов, повлиявших на терминовтөрчөсүт; 3) оценка перспективы включения ранее применявшихся терминов в терминологические запасники, а в последующем и в живой оборот; 4) определение возможных путей развития юридической терминологии. Если подобные анализы проводились в отношении общественно-политических

терминов якутского и кыргызского языков в целом, то юридическая терминология остается малоисследованной сферой, чем и обусловлена научная **новизна** данного исследования.

При проведении анализа необходимо учитывать, что применявшиеся у якутов нормы обычного права носили устный характер, и в настоящее время восстановление терминологии в полном объеме не представляется возможным. Вместе с тем в результате ряда проводившихся исследований удалось частично реконструировать как существовавшие нормы обычного права, так и применявшуюся терминологию. Источниками для этого послужили труды этнографов, лингвистов, историков, фольклорные и архивные материалы.

В работе Д. Кочнева «Очерки юридического быта якутов» (1899) находим следующие термины: *саат төлөбүрэ* 'возмещение вреда' (букв. оплата за стыд) (здесь и далее перевод авторов статьи. – С. Г., А. П.), *унсүүлээх киһи* 'истец' (букв. человек с жалобой), *хоруйдааччы* 'ответчик', *дэнсик* 'судебный посыльный', *куолуһут* 'знаток права', *туоһу*, *кэрэһит* 'свидетель'. При этом в качестве источников автор использует заметки путешественников, официальную информацию о системе права инородческих народов, олонхо («сказки»), предания («саги») [12, с. 153].

Кроме того, исследование якутской юридической терминологии, относящейся к системе обычного права, должно проводиться в сравнении с тюрко-монгольской общественно-политической терминологией эпохи Средних веков. К примеру, Н. К. Антонов в своем исследовании по исторической лексике якутского языка приводит следующие якутско-монгольско-тюркские языковые параллели: *дьүүл* (як. суд) – *шүүх* (монг. судить), *куолу* (як. закон, правило) – *хуули* (монг. закон, кодекс), *буруй* (як. вина, проступок) – *буруу* (монг. вина), *дьэгдүүр* (як. обыск) – *нэгжих* (монг. обыскивать), *туоһу* (як. свидетель) – *танухчу* (тюрк. свидетель), *унүү* (як. жалоба) – *үн-күй* (тюрк. кланяться), *кырдьык* (як. правда) – *кертүк* (тюрк. правда) [2, с. 42].

В последующем, со становлением якутского терминоведения, особое внимание стало уделяться изучению способов образования терминов. Целью данных исследований являлось создание универсальных инструментов терминообразования. У истоков якутского терминоведения и терминологии стояли П. А. Ойунский, Г. В. Баишев-Алтын Сарын, А. И. Софронов, А. А. Иванов-Күндэ и др. Зарождение якутской терминологии ознаменовано противостоянием различных мнений и взглядов на способы образования новых терминов. Одни предлагают опираться только на внутренние резервы якутского и других родственных тюркских языков, другие видят возможным заимствование терминов из русского языка, третьи допускают совмещение указанных вариантов. П. А. Ойунский придерживается той позиции, что заимствованные термины неизбежно должны принимать национальную форму данного языка, «иначе был бы создан третий язык, одинаково чуждый и русским, и якутам» [14, с. 105]. Но в то же время он не принимает позицию Г. В. Баишева-Алтан Сарына о заимствовании слов и терминов из родственных тюркских языков [Там же, с. 90].

Несмотря на существовавшие противоречия, в 20-30-х годах XX столетия предприняты первые шаги к нормализации якутской терминологии и ее дальнейшему развитию, определены основные принципы терминообразования. Вместе с тем начатая работа была приостановлена в конце 1930-х годов в связи с нездоровыми тенденциями в политической жизни страны, когда многие научные деятели подвергались репрессиям. Окончательный переход на заимствованные термины, применяемые по правилам русской орфографии, произошел в связи с переводом большинства национальных языков СССР на новые алфавиты на основе кириллицы. После этого, вплоть до 1990-х годов, несмотря на издание ряда словарей, терминологическая работа на якутском языке практически приостановилась.

Первые попытки упорядочивания юридических терминов в якутском языке предприняты лишь в 2000-х годах. Так, в 2000 году издан первый Русско-якутский юридический словарь, содержащий около 9 тысяч слов. В 2002 году переведен на якутский язык и издан Уголовный кодекс Российской Федерации.

В 2005 году в Институте гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия) защищена диссертация Е. И. Оконешникова «Лингвистические аспекты терминологии якутского языка». В данном труде обозначены основные этапы и особенности развития якутской терминологии, особое внимание уделено способам образования терминов. Целью же работы является «комплексное выявление оптимальных лингвистических терминообразующих средств языка и обоснование максимального использования внутренних возможностей его лексического богатства» [16, с. 5]. Автором выделяются следующие способы терминообразования: лексико-семантический, терминологическая дериватология, терминологическая синтагматика.

Аналогичное исследование в области общественно-политической лексики, которая включает юридическую терминологию, проведено также в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера в 2013 году А. С. Акимовой. В частности, автором установлено следующее процентное соотношение способов образования якутской общественно-политической лексики: лексико-семантические (15%), аффиксальные (29%), синтагматические (23%), путем передачи заимствований за счет внутренних ресурсов (19%) и за счет внешних ресурсов (14%) [1, с. 149].

Возвращаясь к уже упомянутому способу образования терминов путем возрождения ранее использовавшихся, необходимо отметить, что источником доначальных якутских юридических терминов являются различные словари. Бесспорно, в первую очередь исследователи обращаются к словарю Э. К. Пекарского (1907), который содержит множество этнографических комментариев, примеров из фольклора. В словаре также отмечаются заимствования из других языков, приводятся параллели из лексики иных тюркских и монгольских языков, архаизмы и диалектные слова.

Рассмотрим синонимы юридического термина *сокуон* 'закон', бывшие в употреблении в якутском языке в дореволюционное время, а именно содержащиеся в словаре Э. К. Пекарского лексемы *куолу*, *ыйаах* и *туһаан*. Кроме того, в результате дефиниционного, семасиологического и сравнительно-исторического

анализов необходимо установить причины вытеснения указанных синонимов термином «закон», заимствованным из русского языка. Для сравнения также разберем схожие процессы замещения терминов, произошедшие в кыргызском языке.

Куолу. В словаре Э. К. Пекарского слово *куолу* переводится на русский язык как «предписание, инструкция, повеление; право, позволение; способ, средство, обыкновение, обычай; обряд, установление, постановление, правило, закон, порядок, сообразность; *är куолутугар кīр* 'вступать в права мужа'; *бäjäтин нäsilägitтän цахтар ылыабын куолута суох* 'он не имеет права взять жену в своем наслеге'; *урукку куолутунан* 'по-прежнему'; *кисі куолутунан* 'по человеческому обыкновению'; *бары дјахтар куолутунан* 'на манер всех женщин'; *очтобү ыыл куолутунан* 'по обычаю тогдашнего времени'; *мин санām маігыта-куолута* 'мой образ мыслей'; *куолу бысытынан (маігытынан)* 'по обыкновению, по своему обычаю» [17, стб. 1225-1226].

Из приведенной словарной статьи видим, что слово не имело четко очерченных семасиологических границ, и можем предположить, что конкретное значение слова определялось контекстом.

Слово *куолу* заимствовано из монгольского языка (бур. хууль, монг. хууль, письм.-монг. хаули), в якутском языке изначально оно могло употребляться в значении «закон». В своем исследовании по исторической лексике якутского языка, ссылаясь на якутско-монгольские языковые параллели, такого же мнения придерживается Н. К. Антонов [2, с. 42]. В словаре Э. К. Пекарского содержится следующий пример: *Өлөрсүбүт өлөрөн кәбісәр өмүгә* (өбүгэ. – С. Г., А. П.) *куолута* 'воюющий убивает – это уж закон [древний обычай] такой' [17, стб. 1226].

В современном монгольском языке эквивалентом термина *закон* является слово *хууль*. Приведем некоторые примеры употребления названного термина из Большого академического монгольско-русского словаря: *хууль ёс* 'законность; законы, право'; *хууль ёсны* 'законный'; *иргэний хууль* 'гражданский кодекс'; *эрүүгийн хууль* 'уголовный кодекс'; *үндсэн хууль* 'конституция'; *хууль цаазыг биелүүлэх* 'осуществлять закон'; *хууль ёсны арагч* 'законный опекун'; *хууль бусаар* 'незаконно; противозаконно; незаконным путем'; *хууль нийтлэх* 'устанавливать законы'; *хууль тогтоогч* 'законодатель; законодательный' [6, с. 176-177]; *байгалийн хууль* 'законы природы' [4, с. 215]; *бүгд хууль* 'кодекс, сборное уложение' [Там же, с. 299]; *ёс суртахууны хууль* 'моральный кодекс' [5, с. 144].

В современном якутском языке слово *куолу* в значении *закон* не применяется, заменено русскими заимствованиями, более точно и определенно выражающими сущность понятия (*сокуон, быраабыла, бэрээдэк* и др.). В других же значениях заменено собственно якутскими словами (*үгэс, ньыма, уураах* и др.). В Большом толковом словаре якутского языка указывают два значения: 1) традиция, обычай; 2) рассуждение о должном, наставление [7, с. 492]. При этом оба значения в Большом толковом словаре якутского языка идут с пометой «разговорный».

Семантическим изменениям также подвергся термин *куолуһут*, образованный от *куолу* посредством аффикса *-һут*. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского приведены три значения термина *куолуһут*: 1) законник, следующий обычаям, правилам, порядкам; 2) знаток права; адвокат, который берет на себя обязательство вести дело во всех инстанциях русских судов; 3) человек, выставляющий себя за знающего обычая, порядок, правила [17, стб. 1226]. В настоящее время в подавляющем большинстве случаев данное слово носит негативный оттенок и обозначает любителя поучать и настаивать: *Бу да кини, быһа куолулаан!* (разг.) [13, с. 73]. / Что же ты все умничаешь!; *Ээ, дьэ кини куолуһут бэрдэ* (разг.) [Там же]. / Да он тот еще «знаток»; *Дьэ, улахан да куолуһут буолкун бу аһыйах хонук иһигэр* [Там же]. / Ну и «поумнел» ты за пару дней.

Можем предположить, что причиной подобной семантической трансформации явилось отсутствие при осуществлении правосудия четкой последовательности в применении норм права. Так называемые знатоки и законники могли допускать вольное толкование закона.

Ыйаах. В словаре Э. К. Пекарского указывается три значения слова *ыйаах* [ыј + ах от ый 'указывать']: 1) указание пути, дороги: *манна кälär ыјāбы билэјин ä-äm!* 'ведущий сюда (маршрут) знаешь ведь'; 2) указание, веление, повеление, приказ, приказание, указ, разрешение, предписание, заповедь, наставление, учение, инструкция, правило, устав, закон: *Ыјāба суох* 'не имеющий закона, без закона, незаконный, несправедливый; незаконно; беззаконие, преступление'; 3) судьба, рок, определение, назначение, предопределение, предназначение свыше: *Чыныс Хāн ыјāба* 'указ Чыныс Хāна'; *Букатын өлөргө ыјāбым-онгорум суох ибит* 'мне не назначено совершенно умереть' [18, стб. 3768].

В современном якутском языке слово применяется в 4 значениях: 1) рел. рок, судьба; 2) предписание, распоряжение, указание; 3) постановление верховного органа власти, имеющее силу закона, указ; 4) распоряжение, директива, приказ должностного лица [8, с. 365-366]. Русско-якутский юридический словарь также содержит слово *ыйаах* как перевод юридического термина *указ* [21, с. 88].

В настоящее время термин *ыйаах* активно применяется в деятельности органов государственной власти. Так, в правительственной газете «Саха Сирэ» имеется раздел «Ыйаахтар», в котором публикуются различные Указы Главы Республики Саха (Якутия).

Туһаан. В словаре Э. К. Пекарского имеет одно значение – закон. Отмечается также, что *туһаан* является сокращением из *туһаан*. Указывается, что слово *туһааннаах*, образованное посредством аффикса *-лаах*, имеет два значения: 1) законный; назначенный, определенный; настоящий. *Тусāннāх Тојон доборум, тусāннāх добордох ошонјорум* 'назначенный (свыше) господин и друг мой', 'назначенный мне друг мой, старик мой (т.е. муж)'; *тус бāйāн тусāннāх кыттыгас кынан* 'приняв к себе артельщиком', 'сделав собственным настоящим (законным) артельщиком'; *тусāннāх (или тустāх) суорумнју* 'нарочный вестник, главный сват'; *тусāннāххын*

кытта тутус! 'с подходящим (равным) себе схватись!'; 2) званый гость (на свадьбе), каждый из родственников невесты, приглашенных на свадьбу родителями жениха [18, стб. 2858].

В драме П. А. Ойунского «Туналбаннаах ньюурдаах Туйаарыма Куо» лексема *туһааннаах* употребляется в смысле «законный, предназначенный»: *Турбүөннээх түптүрү түгэн / Түөкүнүттэн төлөрүтэ кэлбит / Туһааннаах доборбуттан / Туора хаамыам этэ дуо?* [15, с. 225]. / Страшный переполох устроившего / От разбойника спасти явившийся / **Мой законный суженый** / Могла ли я отречься от тебя?

Но в настоящее время лексема *туһаан* не используется в значении *закон*, а употребляется в значении *подлежащее* (грамм.). То есть образовался новый термин, лишь внешне похожий на ранее существовавший, но с абсолютно иным смысловым содержанием.

Вытеснение ранее существовавших терминов заимствованными словами объясняется П. А. Слепцовым так: «Процесс семасиологической обработки подобных слов ведет к активизации синонимических ресурсов языка, их обогащению за счет лексических заимствований. Такая мобилизация синонимических средств, способствуя семантической определенности слов типа *майгы, куолу, сир, суол, кэм, быһыы, эрэй* и т.п., не имевших в разговорном языке четких семасиологических границ, ведет не только к точности, но и к компактности, сжатости выражения мысли за счет сокращения различных поясняющих, специализирующих слов ввиду терминологической определенности синонимов» [23, с. 63].

Кроме того, неотъемлемым признаком юридических терминов, как составных единиц официально-делового стиля литературного языка, является их стандартизованность [24, с. 275]. Это означает, что вводимый в употребление термин должен максимально исключать различное толкование его смысла.

Можем предположить, что указанные обстоятельства послужили причиной вытеснения из якутского языка ранее использовавшихся в значении *закон* лексем (*туһаан, ыйаах, куолу*) заимствованным из русского языка термином *сокуон*.

Аналогичный пример замены применявшегося термина заимствованным имеется и в кыргызском языке.

Так, в советский период в кыргызском языке применялся термин *закон*, соответствующий аналогичному термину в русском языке. В русско-кыргызском словаре (1957) приведены следующие примеры использования данного термина: *закондор жыйнагы* 'сборник законов'; *шайлоо закону* 'избирательный закон'; *эмгек жөнүндөгү закондордун кодекси* 'кодекс законов о труде'; *закондун статьясы* 'статья закона'; *закон боюнча* 'по закону'; *закондон тышкары* 'вне закона' [19, с. 207].

В отличие от якутского языка в кыргызском языке термин не подвергся фонетической адаптации, что свидетельствует о позднем его заимствовании, в период, когда преобладало мнение о применении иноязычных терминов по правилам русской орфографии. Но и здесь можем предположить, что, как и в случае с якутским термином *сокуон*, причиной введения заимствованного термина является попытка конкретизации и четкой демаркации семасиологических границ. Для более четкого понимания этих причин необходимо рассмотреть термин *мыйзам*, применявшийся до революции в кыргызском языке в значении *закон*.

В Киргизско-русском словаре (1985) приводится 3 варианта написания и произношения слова: *мыйзам, мийзам* и *миязан* (южн.) [11, с. 46]. Первое значение данного слова – «закон» помечено в словаре как арабское заимствование и устаревшее, то есть на момент составления словаря в данном значении рассматриваемое слово не применялось. Устаревшими в словаре обозначены и другие производные от слова *мыйзам*. Это – *мыйзамдуу* 'законный', *мыйзамсыз* 'беззаконный', *мыйзамсыздык* 'беззаконие', *мыйзамчы* 'законник'. Также указано, что словом *мыйзам* среди правящей киргизской верхушки называлось «Степное положение» 1892 года. Статья снабжена следующими примерами использования: *мыйзам жыйнагы* 'сборник законов'; *кылмыш мыйзамы* 'уголовный закон'. Кроме того, данным словом обозначаются название месяца *мыйзам айы* (примерно соответствующего сентябрю) и *тенётник* (паутина, летающая в начале осени) [Там же].

Таким образом, имеют место те же причины введения в кыргызский язык заимствованного термина, что и в якутском языке (многозначность, требующая определения смысла через контекст, необходимость стандартизации юридических терминов). Кроме того, возможно, ввиду следования одному из основных принципов кыргызского терминотворчества того периода имела место попытка ограничения использования арабизмов [10, с. 246].

Вместе с тем надо заметить, что в настоящее время термин *мыйзам* снова введен в качестве юридическо-го термина в значении *закон* взамен заимствованного [20, с. 139].

На наш взгляд, кроме названных причин определенную роль могла сыграть устойчивая связь якутских терминов *куолу, туһаан* и *ыйаах* с нормами обычного права и обычаев (үгэс), возникших в догосударственный период развития общества. Исследователи обычаев коренных народов отмечают следующую особенность обычного права: «Customary law distinguishes itself from statutory law only by being more closely attached to a people's culture than statutory law» [25, p. 63]. / «Обычное право от статутного права отличает только более тесная связь с культурой народа». Предполагаем, что в целях разграничения норм обычного права и норм, издаваемых государством и ранее отсутствовавших у якутов, возможно, и было отдано предпочтение заимствованному термину *сокуон*. В свою очередь, в кыргызском термине *мыйзам*, заимствованном из арабского языка, могли в то время усмотреть причастность к шариатскому правосудию, подлежащему искоренению.

Такое предположение подтверждается тем, что слово «закон», под которым изначально в славянских языках подразумевались обычаи, после принятия христианства на Руси «постепенно исчезает из светского законодательства на несколько столетий и в таком важнейшем источнике права как Русская Правда он уже не встречается» [22, с. 280]. В последующем, по прошествии временного промежутка, необходимого для преодоления устойчивой ассоциации с архаичными правовыми системами, лексемы *закон* и *мыйзам* были реанимированы и возвращены в систему терминов.

Проводя аналогию с описанными примерами из русского и киргизского языков, следовало бы рассмотреть вопрос о вероятности возрождения одного из трех устаревших синонимов якутского термина *сокуон*. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что лексемы *куолу*, *туһаан* и *ыйаах* в отличие от русского и киргизского терминов претерпели трансформации, в результате чего обрели иные устойчивые смысловые формы, активно применяемые в современном литературном якутском языке. В этой связи использование анализируемых лексем в качестве эквивалента термина *закон* снова привело бы к их многозначности и размытию устоявшихся семасиологических границ.

Таким образом, анализ синонимов юридического термина «закон» в якутском и киргизском языках позволяет сформулировать следующие **выводы**:

- 1) причинами замещения исконных юридических терминов заимствованными являются необходимость исключения многозначности в целях стандартизации терминологии, а также попытки разграничения терминов, относящихся к различным правовым системам;
- 2) отмечается влияние исторических процессов и общественно-политических настроений на терминообразование, что также должно приниматься во внимание как один из решающих факторов;
- 3) при реализации рассмотренного способа пополнения запаса терминов путем восстановления устаревших терминов необходимо учитывать, что некоторые ранее использовавшиеся термины в настоящее время приобрели иную семантическую окраску, в ряде случаев кардинально отличающуюся от исходной;
- 4) кроме ряда исключений, пути развития юридической терминологии мы видим, во-первых, в расширении лексического запаса путем заимствования иноязычных терминов; во-вторых, в успешном восстановлении терминов, ранее признанных устаревшими и выведенных из оборота; в-третьих, в исключении многозначности слов путем их семасиологической обработки.

Список источников

1. **Акимова А. С.** Способы образования якутской общественно-политической терминологической лексики: дисс. ... к. филол. н. Якутск, 2013. 171 с.
2. **Антонов Н. К.** Исследования по исторической лексике якутского языка: автореф. дисс. ... д. филол. н. Алма-Ата, 1973. 54 с.
3. **Афанасьев Л. А.** Саха тылын сайдар туруга // Сахалы тыэрмини оноруу: научнай ыстатыйалар хомуурунньуктара / эпп. ред. А. Г. Нелунов. Дьокуускай: СР НА ГЧИ, 1995. С. 22-39.
4. **Большой академический монгольско-русский словарь**: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. А-Г. 520 с.
5. **Большой академический монгольско-русский словарь**: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 2. Д-О. 536 с.
6. **Большой академический монгольско-русский словарь**: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 4. Х-Я. 532 с.
7. **Большой толковый словарь якутского языка**: в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т. IV. Буква К. 672 с.
8. **Большой толковый словарь якутского языка**: в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. Т. XIV. Буквы Ч, Ы. 592 с.
9. **Готовцева Л. М.** Саха тылыгар тыэрмин хаһааһын оноруу туһунан // Сахалы тыэрмини оноруу: научнай ыстатыйалар хомуурунньуктара / эпп. ред. А. Г. Нелунов. Дьокуускай: СР НА ГЧИ, 1995. С. 103-110.
10. **Дмитриева Е. В.** Об истории развития медицинской терминологии в Кыргызстане // Образование и наука в современных условиях. 2015. № 4 (5). С. 244-249.
11. **Киргизско-русский словарь**: в 2-х кн. / сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии, 1985. Кн. 2. Л-Я. 480 с.
12. **Кочнев Д. А.** Очерки юридического быта якутов. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1899. 192 с.
13. **Неустроев Н. Д.** Төрүөбүт сирбэр, тапталаах дьоммор. Пьесалар, кэпсээннэр, очеркалар, тылбаас, хоһооннор, суруктар, бэлиэтээннэр, докумуоннар. Дьокуускай: Бичик, 1995. 336 с.
14. **Ойуунускай П. А.** Талыллыбыт айымньылар: 3 томнаах. Дьокуускай: Бичик, 1993. 3 т. 480 с.
15. **Ойуунускай П. А.** Талыллыбыт айымньылар хомуурунньуктара. Дьокуускай: Бичик, 2005. 320 с.
16. **Оконешников Е. И.** Лингвистические аспекты терминологии якутского языка: дисс. ... д. филол. н. Якутск, 2005. 230 с.
17. **Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка: в 3-х т. М.: АН СССР, 1959. Т. 1. 1280 стб.
18. **Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка: в 3-х т. М.: АН СССР, 1959. Т. 3. 3858 стб.
19. **Русско-киргизский словарь** / под ред. К. К. Юдахина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 992 с.
20. **Русско-киргизский словарь юридических терминов и иных понятий** / Юридикалык атоолордун жана башка түшүнүктөрдүн орусча-киргизча сөздүгү. Бишкек: Турар, 2014. 536 с.
21. **Русско-якутский юридический словарь** / под ред. А. Г. Нелунова. Якутск: Бичик, 2000. 96 с.
22. **Сидорова А. В.** Содержание термина «закон» в дохристианском праве Древней Руси // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2016. № 1-2. С. 279-282.
23. **Слепцов П. А.** Об основных тенденциях развития лексики современного якутского литературного языка // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии: сборник научных статей / ЯФ СО АН СССР. Якутск: ЯФ СО РАН СССР, 1980. С. 42-90.
24. **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. 696 с.
25. **Ahrén M.** Indigenous peoples' culture, customs, and traditions and customary law – the Saami people's perspective // Arizona Journal of International & Comparative Law. 2004. Vol. 21. № 1. P. 63-112.

SYNONYMY OF THE LEGAL TERM "LAW" IN THE YAKUT AND KYRGYZ LANGUAGES

Gavril'ev Semen Leonidovich
Prokop'eva Alena Kirillovna, Ph. D. in Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
gavrilyev_s@mail.ru; alonachoo@mail.ru

The article deals with the history of the formation of the legal term "law" in the Yakut and Kyrgyz languages. The definitional, semasiological and comparative analysis of the synonyms of the term "law" is conducted. The paper attempts to reveal the main reasons for the substitution of the legal terms "күөлү", "туһаан", "ыйаах" in the Yakut language and "мыйзам" in the Kyrgyz language by the term "law" borrowed from the Russian language. In conclusion, basing on the findings, the authors formulate possible ways of the Yakut legal terminology development.

Key words and phrases: legal terms; Yakut language; Kyrgyz language; synonymy; term creation.

УДК 811.411.21
<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.25>

Дата поступления рукописи: 09.12.2018

В статье рассматривается понятийная категория глоттонии, представленная в виде функционально-семантического поля как способа реализации категории «пища». Анализу подвергается традиция полевых исследований в языкознании, а также глоттонический дискурс, отражающий лингвокультурологические, социолингвистические и функционально-стилистические особенности глоттонической картины мира. Автором выявлены трансформационные приёмы, применяемые для перевода глоттонических текстовых структур в рамках арабско-русской пары языков.

Ключевые слова и фразы: функционально-семантическое поле; глоттоническая картина мира; глоттонический дискурс; трансдисциплинарность переводоведения; переводческие трансформации.

Джасим Васан Нисеифф
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
wasan_my@yahoo.com

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ГЛОТТОНИИ В РУССКО-АРАБСКОЙ ПАРЕ ЯЗЫКОВ: ГЕНЕЗИС, ПЕРЕВОД

В настоящей работе, опираясь на теоретико-методологическую базу описания гастрономического дискурса с позиций системно-структурного и функционального подхода к явлениям языка, мы предприняли попытку исследовать понятийную категорию глоттонии, которая в рамках функционально-семантического поля (ФСП) выражена совокупностью лексико-фразеологических, грамматических и фонетических средств, выделенных на основе интегрального семантического признака – понятия «пища». Под ФСП в современном языкознании понимается система языковых средств разного уровня (грамматических, лексических, словообразовательных и др.), «взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определённой семантической категории» [4, с. 567].

Актуальность данного исследования обусловлена интенсивным развитием международных контактов в условиях глобализации между носителями арабского и русского языков в различных сферах жизнедеятельности, в частности в сфере глоттонического дискурса.

Исследование категории глоттонии в рамках ФСП проводится нами с **целью** выявления лингвокультурологических, коммуникативно-когнитивных характеристик поля глоттонии, проведения сопоставительного анализа лингвосомиотических знаков гастрономического дискурса в арабско-русской паре языков, выявления особенностей их переводческой интерпретации.

Для реализации поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**: рассмотреть особенности ФСП глоттонии (ФСПГ), проанализировать лингвокультурологические и коммуникативно-когнитивные характеристики категории «пища» в глоттонической картине мира носителей арабского и русского языков, исследовать понятие гастрономического дискурса как одного из основных типов коммуникации, определить способы перевода, применяемые для интерпретации глоттонических текстов, выявить особенности перевода глоттонических номинаций.

Научная новизна нашей работы заключается в том, что впервые исследуются характеристики глоттонического дискурса ФСПГ на материале арабского и русского языков.

В лингвистике выделяют ФСП аспектуальности, залоговости, компаративности, локативности, эмотивности и др., в основе которых лежит та или иная языковая категория, семантическая доминанта поля. Для установления теоретической и методологической адекватности применения ФСП как способа реализации семантической категории «пища» в речи арабов обратимся к опыту научных исследований в области изучения полевых структур языка, проводившихся в рамках общей и частной лингвистики.